

Символ

"Наше наследие", 1989, No 2

Публикация, предисловие и комментарии Т. Н. Жуковской

[OCR Бычков М. Н.](#)

- Не хотите ли пройти в церковь? - спросил у меня Зимин.

Со двора несся к нам надтреснутый звон колокола тюремной церкви. Была суббота. В мастерских кое-кто прекратил работу, но вообще не видно было, чтобы к вечерне собирались многие. Я пошел вместе с Зиминим и Кепарским.

Миновав несколько коридоров и поднявшись во второй этаж, Зимин отпер небольшую дверь на блоке, и мы вошли в какую-то конурку, заменяющую передний притвор. Церковь находилась в середине, в здании, соединявшем два корпуса; с двух сторон в нее входили из двух корпусов арестанты. Средний ход предоставлялся публике, входившей со двора в средние двери.

Из переднего отделения мы вошли в боковое отделение самого храма. Это было длинное, довольно высокое и просторное помещение, но оно разделялось сажеными темными перегородками на три части. По бокам, за решетками, стояли арестанты; они же помещались сзади на хорах; в среднем отделении стояла остальная публика. Решетки доходили вплоть до солеи и у ее ступеней заворачивались под углом решетчатой же дверцей. Таким образом, и здесь мы были с четырех сторон охвачены оградой...

Когда мы вошли, церковь была еще почти совершенно пуста. Молодой арестантик в чистеньком халате, в белых чистых подворотках, изящно обернутых ремешками, в вычищенных ваксой "котах", ходил у иконостаса, зажигая свечи. Каждый раз, когда он поворачивался к публике спиной, на ней сверкал новенький желтый туз и какие-то буквы.

По лицу это был еще очень молодой человек, почти мальчик. Он ходил, как-то слегка сгорбившись, наклонив голову, как всегда ходят в церкви люди, обремененные наплывом благоговейных ощущений.

Ступал он тихо и каждый раз, установив свечку, истово и с расстановкой крестился. От Зимина я узнал, что это был тюремный поэт, с произведениями которого читатель уже отчасти знаком. Он был искренне набожен и в длиннейшем послании к некоторым девицам из арестанток (посланий, от которых я избавляю читателя - хотя они и находятся у меня в руках) внушал им, что посылать секретно поцелуи и записки человеку, прислуживающему во время богослужения, - несогласно с правилами истинного благочестия.

Какой-то еще незнакомый мне арестант, с строгими чертами лица и с очками на глазах - ровным и "проникнутым голосом" читал псалтырь. Этот голос, звучавший размеренно и строго, без повышений и понижений, наполнял пустой храм, отдавался в углах над хорами и проникал в душу привычными с детства впечатлениями вечерней службы...

Последние лучи солнца проникали в окна золотыми полосками, в которых тихо колебались пыль и синеватая дымка от ладана. По временам чьи-нибудь шаги скрипели и смолкали, и опять в церкви стоял только ровный голос чтеца, да еще какой-то шорох, шепот чьей-то молитвы.

Я еще в первый раз был в тюремной церкви, да и вообще в церкви не был уже давно, и теперь на меня ее тишина и спокойствие и ровные звуки начинавшейся службы подействовали особенным образом. Опять, как в то утро после моих снов, мое сознание двоилось и не могло слить в одно целое воспринимаемых ощущений. С одной стороны, в душу веяло привычным спокойствием. Вспоминались наша светлая гимназическая церковь и вечернее солнце, глядевшее, как и теперь, в ее окна косыми золотыми лучами, шелест каштанов в саду и тихое чириканье воробьев, собирающихся на покой в кустах сирени... И тихий мир, точно веяние невидимых крыльев ангела, касался разнеженной души кроткими воспоминаниями детски-чистой и возвышенной веры...

Но тотчас же разнеженный взгляд падал на эти решетки кругом... Слух поражало тяжелое треньканье кандалов на хорах, и на одеждах людей, пришедших молиться, я видел клеймо позора. Когда же поэт-причетник открыл левую дверь иконостаса, - я увидел за алтарем в большом окне - распятие...